

Аня Амасова
Виктор Запаренко

ПИРАТЫ КОШАЧЬЕГО МОРЯ

Книга 5 *Сундук
для императора*

Пираты Кошачьего моря

Аня Амасова

**Пираты Кошачьего моря.
Сундук для императора**

«Азбука-Аттикус»

2017

УДК 087.5
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

Амасова А.

Пираты Кошачьего моря. Сундук для императора / А. Амасова —
«Азбука-Аттикус», 2017 — (Пираты Кошачьего моря)

ISBN 978-5-389-13225-2

Император Диего разыскивает Дженифыр Котес, чтобы судить ее как опасную преступницу. Тем временем «Ночной кошмар», преодолевший Конец Света, бороздит просторы Нижнего Кошачьего моря, а его команда сочиняет звучные названия для новых земель. Однако отважный капитан Джен отчего-то тоскует по дому, которого у нее никогда не было... Джонни-Воробушек ждет знамений от судьбы и беседует с волнами. Вместо знамений он получает нового члена команды, а в придачу – саквояж, битком набитый секретами. Бессонной ночью Флинт Корноухий рассказывает Громиле о своей прежней жизни – ведь прославленный капитан не всегда ходил под пиратским флагом... Три корабля берут курс на Гавгадос, три капитана устремляются навстречу своей судьбе. Очень скоро три истории сойдутся в одной точке. И этой точкой будет зал суда, где восторжествует справедливость и свершится возмездие...

УДК 087.5

ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ISBN 978-5-389-13225-2

© Амасова А., 2017
© Азбука-Аттикус, 2017

Содержание

Часть первая	11
Разыскивается!	12
Капитан с птицей	18
Письмо Джен	22
Таверна «Пагода у моря»	28
Курс на Гавгадос!	34
Архив тетушки Кэтрин	39
Часть вторая	44
Корабль печали	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Аня Амасова
Пираты Кошачьего моря.
Сундук для императора

© А. Амасова, 2017

© В. Запаренко, иллюстрации, 2017

© Оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2017
Издательство АЗБУКА®

* * *

В ролях:

Джонни-Воробушек

Дженифyr Комес

Железный
Коготь

император
Диего

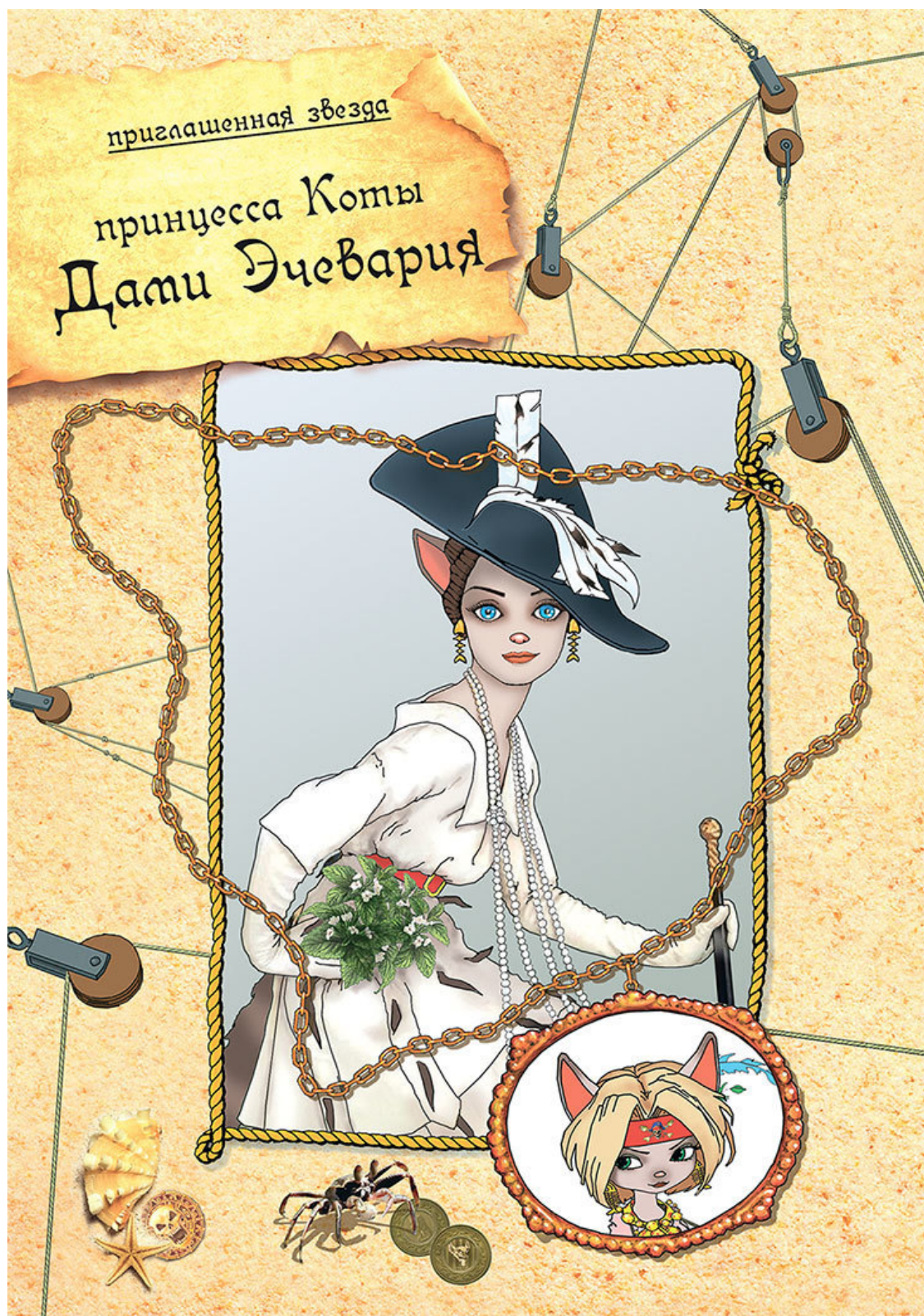
Флинт
Комес
(много лет
назад)

тетушка
Кэтрин
Комес

и все остальные...

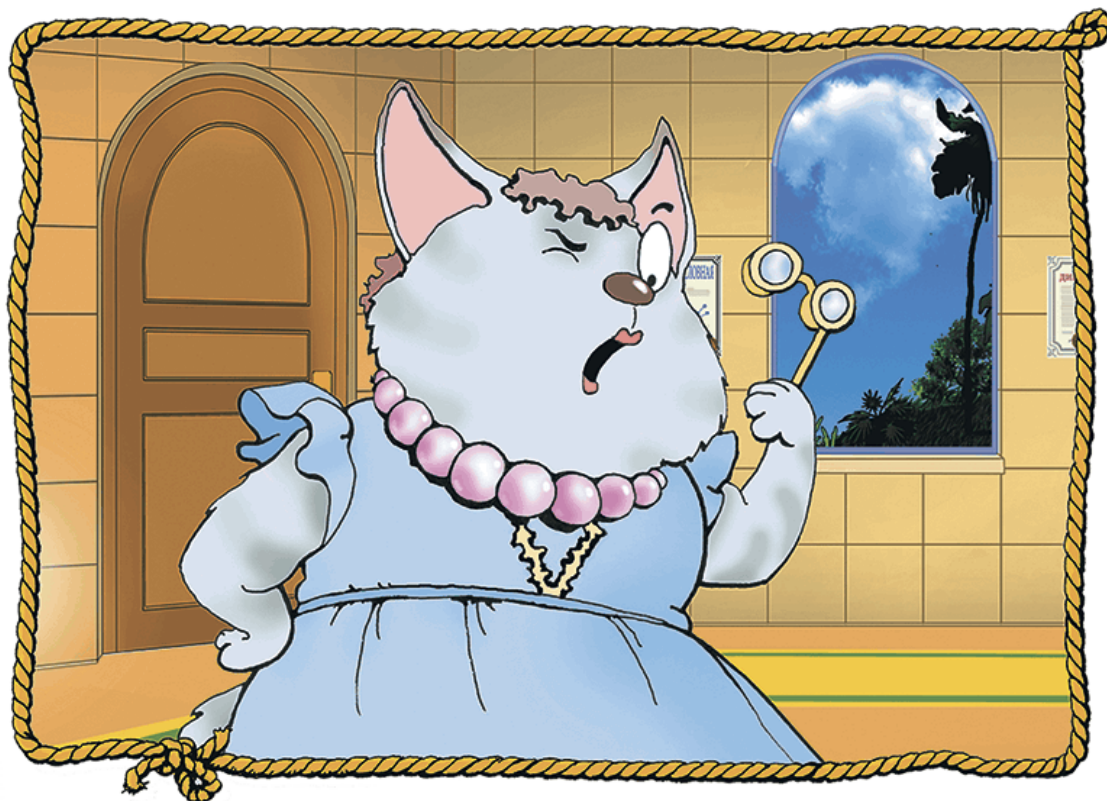

Часть первая Дженифыр

Разыскивается!

– Дженифыр! Да нет же! Откуда?

Болония перехватила лорнет. Склонилась к газете. «Вести за одну монету» пахли краской и мокрыми досками, раскрывая любопытные сведения о скорой участи почтового судна. Никаких сомнений: на первой странице – портрет Дженифыр Котес.

Но подпись, какая ужасная подпись!

«Разыскивается Дженифыр Котес. Обвинения: пиратство, ограбление банка Гавгадоса, неповиновение императору Диего».

И ниже, самыми крупными литерами, какие только нашлись в типографии:

«ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ ПОЙМАВШЕМУ – 1 000 ЗОЛОТЫХ МОНЕТ».

ВЕСТИ

за одну монету

Официальный
печатный
орган
архипелага
Морских
Котиков

РАЗЫСКИВАЕТСЯ! ДЖЕНИФЫР КОТЕС

ОБВИНЯЕТСЯ В ПИРАТСТВЕ,
ОГРАБЛЕНИИ БАНКА ГАВГАДОСА,
НЕПОВИНОВЕНИИ ИМПЕРАТОРУ,
ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ
ПОЙМАВШЕМУ
1000 ЗОЛОТЫХ
МОНЕТ !

МЫШЛЯНДИЯ ОБЪЯВИЛА
ВОЙНУ СЛОНОПОТАМИИ
(СТР. 3)

КРЯКЕН СНОВА УТОПИЛ
ТОРГОВОЕ СУДНО
(СТР. 4)

ПОИСКИ ВОЛШЕБНОГО
МЕЧА ПРОДОЛЖАЮТСЯ
(СТР. 5)

О ПРОБЛЕМАХ
РАБОТОРГОВЛИ
В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ
(СТР. 6)

Островная хроника
.....

ОГРАБЛЕНИЕ БАНКА ГАВГАДОСА!

Три тысячи пиратов
на трехмачтовом
барке «Ночной
кошмар» вторглись
ночью в порт Гавга-
доса. Круша все
на своем пути,
пираты ворвались
в городской банк.

(Продолжение
на стр. 2)

ОСТРОВНАЯ ХРОНИКА

ВЕСТИ
за одну монету

Сенсация! ПОГОНЯ ЗА СМЕРТЬЮ!

Отважный капитан судна «Коты и котлета» Тициан Великолепный в открытом море был остановлен «Летучим голландцем». Команду скелетов возглавляла Смерть с косой. Она потребовала у капитана плату за использование

водных путей. Но бесстрашный мореплаватель вступил в единоборство с темной силой, изгнал скелетов со своего судна и даже начал преследование «Летучего голландца». Неожиданно сгустившийся туман дал Смерти трусливо скрыться.

ОГРАБЛЕНИЕ БАНКА ГАВГАДОСА!

(Окончание)

Преступную банду возглавляла Дженифыр Котес — дочь известного своей кровожадностью Флинта Котеса по прозвищу Корноухий. Казна Гавгадоса похищена. Попытка малочисленного отряда сил правопорядка и военных противостоять полчищам пиратов успеха не имела. Население в ужасе пряталось по подвалам.

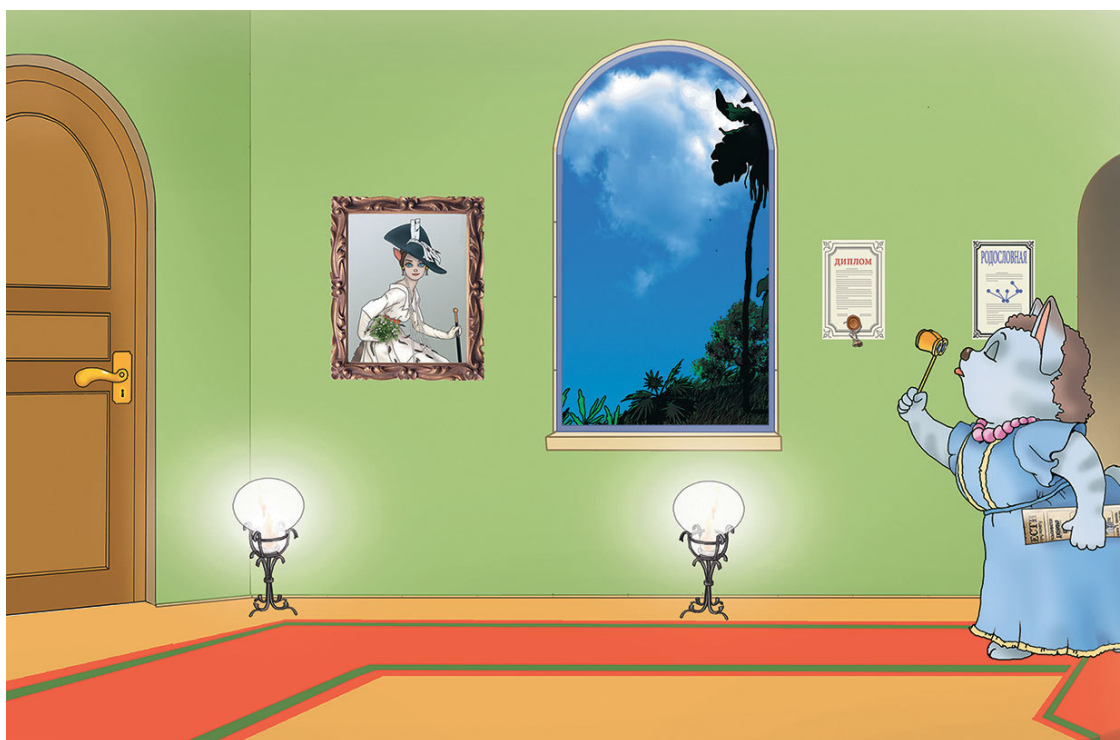

Император Диего — ум, честь
и совесть Гавгадоса!

Задыхаясь от волнения и туго затянутого корсета, Болония изрекла не без торжества:

– А я всегда говорила: ничего хорошего из нее не выйдет! Такая дурно воспитанная мисс! Удивлена ли я? Нисколько! Ганц унд гар нихт!¹ Но Кэтрин? Бедная тетушка Кэтрин! Что с нею станет? Какой удар среди синих небес!

Не теряя ни секунды, Болония схватила газету, сунула в карман нюхательную соль и решительно засеменила к хозяйке – смотреть, упадет ли почтенная дама в обморок или прикажет отныне и впредь не произносить при ней имя племянницы.

Не странно ли, что такое известие не изумило классную даму? Не каждый день воспитанницы пансионеров становятся пиратами и грабят банк. Однако Болонии действительно казалось, что она и раньше видела ученицу насквозь. Что без всяких сверхъестественных способностей ощущала в мисс Джен какую-то червоточину. И даже угадывала дальнейшую судьбу.

В части пророчеств Болония оказалась бездарна: нюхательная соль не пригодилась. Тетушка Кэтрин, хозяйка пансиона в Кошачьем заливе, не упала в обморок и не потребовала нотариуса, чтобы переписать завещание. Вновь и вновь перечитывая чудовищную статью, она шептала:

– Какое счастье! Болония, какое счастье!

– Счастье? – поперхнулась классная дама. – Да это настоящий шмах! Сей день ужасная новость пронзит Тортагу насквозь! Ваша репутация погибнет! Я думаю, вы обязаны – твердо унд шнелле – объявить, что ворота вашего дома закрыты для Дженифыр на гросс засов²!

– Ах, помолчите, дорогая. – Кэтрин прижала газету к груди. – Конечно, я радуюсь не тому, что Джен – пират. Но дайте же мне насладиться известием, что она хотя бы жива! Над остальным я подумаю позже...

¹ Ганц унд гар нихт – нем. ganz und gar nicht – вовсе нет!

² Когда Болония волнуется, она употребляет слова из своего родного языка: шмах – нем. Schmach – позор, бесчестье; унд шнелле – нем. und schnelle – и быстро; гросс – нем. Groß – большой.

Массивный подбородок классной дамы дрогнул в попытке решительно приподняться.

– Тогда я вынуждена совершить абцуг³. Я увольняюсь сей секунд.

Кэтрин отложила газету:

– Покончим с радостью, если таково ваше желание. И в чем же причина отставки?

Подбородок Болонии задрожал мелко и испуганно:

³ Абцуг – нем. Abzug – отступление, вывод войск.

– Гиены, мисс! Что, если в поисках Джен они ворвутся в дом? А может, снова сожгут поместье? Нет, сердце Болонии не выдержит...

– Милая, милая моя Болония. Никто не станет жечь поместье *теперь*. Но вы совершенно правы: я обязана кое-что предпринять. Побеспокойтесь вместо меня о чае и девочках.

Выставленная, таким образом, за дверь, которую Кэтрин тут же заперла на ключ, Болония прислонила к щели любопытное ухо.

За дверью творилось что-то странное. Скрипя, двигались ящики комода. Туда-сюда перемещалось по комнате кресло. Хлопали дверцы и шелкали задвижки. Если бы мисс Кэтрин не слыла самой уравновешенной дамой в Кошачьем заливе, Болония могла бы поклясться, что та скакала по комнате!

Когда наконец-то подали чай, Поместье за Холмом оглушило новое известие: мисс Кэтрин пропала! Стоит ли говорить, что классной даме все же пришлось удивиться этим утром?

Капитан с птицей

Берег Кошачьего залива – от мыса до маяка – полон уставших кораблей. Они мерно покачиваются, как гигантские люльки с младенцами. Волны катятся одна за другой, накрывают разноцветную гальку, лижут ноги, отползая, шепчут: «Джен... Джен... Дженифыр-фыр».

Джонни-Воробушек прикладывает палец к губам: «Тсс!» Улыбается: не надо обманывать! «Ночной кошмар» не заходил в Тортагу. Джен никогда не возвращалась домой. Пена отползает, снова шепчет, и Джонни нравится думать, будто море знает его тайну.

– И чего мы торчим в Тортаге? – обиженно клюнул его Кукабара. – Чего ждем?

– Сам не пойму. Какого-нибудь знамения.

– Знамение – это дождь из лягушек?

– Ага, – усмехнулся Джонни, – дождь из лягушек, хороший груз и бутылка с письмом...

Слушай, у меня какое-то предчувствие. Волны разговаривают со мной...

– Хочешь, слетаю в город, найду хорошего лекаря?

– Не хочу. Сегодня мне по душе быть странным капитаном.

– Можно подумать, в остальные дни тебе нравится быть кем-то другим, – с сомнением протянул Кукабара. – А тебе обязательно весь комплект знамений? Ну вот чтобы сразу и лягушки, и груз, и письмо? Или можно что-то одно?

Джонни бросил на птицу любопытный взгляд:

– Ты видел поблизости лягушачье облако?

– Я видел поблизости бригантину с *еще одним* странным капитаном. И она привезла в Тортагу письмо. Совсем такое, как ты мечтаешь: поймано в бутылке на другом конце моря.

– И ты молчишь! – вскочил Джонни, натягивая фуражку. – Как ты умудряешься ни на миг не закрывать свой клюв и при этом скрывать самое интересное?!

Капитан небольшой бригантины, раскачивающейся у мыса, и правда вел себя странно. Он то метался по берегу, то внезапно останавливался. Словно споря с невидимым собеседником, потрясал кулаком и с горячностью размахивал тростью.

– Еще чуть-чуть, и он выдернет клочок собственной шерсти, – предположил Воробушек.

– Тебе виднее, – отозвалась птица. – Вы, капитаны со странностями, лучше знаете свои повадки.

– Не напомнишь, почему я до сих пор не сварил из тебя суп?

– Потому что некому будет варить его в другие дни. Кукабарочка отдувается за всех, кого тебе лень нанять. Иди уже, а то никогда не узнаем – знамение это или лягушек ждать.

Джонни ринулся к хозяину бригантины:

– Капитан! Вам не с кем поговорить? – Он широко улыбнулся: – Позвольте предложить свои уши. В них можно изливать любые печали!

– Пять тысяч миль! – закричал капитан, благодарно сжимая Воробушка в объятиях. – Пять долгих тысяч морских миль ради письма, и все насмарку!

– Поймали в море послание? – уточнил Воробушек. – И что там? Дурные вести? Стойте-стойте... Что-нибудь о тонущем корабле, потерпевшем крушение, да? И оно датировано прошлым веком...

– Да нет же! Недавнее письмо. Удивительная сохранность. А уж какая потрясающая история! В любом другом месте, привези уставший путник такую новость, мне бы отдали целый мешок с монетами! Но эта фурия в поместье кричала «нихт!» и заперла ворота. Передо мной! Марко Полоскуном! Я – с черного хода, бросаюсь к служанке: «От Дженифыр для тетушки Кэтрин». Та – в слезы: «Пропала тетушка Кэтрин! Сегодня утром пропала. Не надо нам больше никаких вестей!» Даже молока не вынесла...

Полоскун негодовал, только Джонни его уже не слышал. Он смотрел *сквозь* капитана. В ушах стучало: «Дженифыр». Вот оно – знамение. Так, значит, шепот волн – не пустая болтовня?

– Не может быть!

– Да сожрет меня Крякен!

– Могу я взглянуть на письмо?

– О нет, дорогой! Это моя находка. – Марко Полоскун ласково погладил карман плаща. – Не удалось отдать адресату, продам в какую-нибудь газету. Вот это будет сенсация!

– Прошу вас, – повторил Джонни. – Мне надо увидеть письмо.

Если бы Полоскун был не так увлечен подсчетом прибыли с будущего гешефта, он бы непременно заметил, как изменился голос собеседника.

– Извини, секреты и тайны ценятся выше, – вопреки здравому смыслу ответил капитан бригаантины. – Что толку в новостях, когда они известны каждому проходимцу!

Очевидно, размер прибыли представился Марко Полоскуну в виде бочек, наполненных золотом, и лишил его остатков разума. Иначе как объяснить, что он отважился назвать Джонни-Воробушка проходимцем?

– Заберите свои слова обратно и отдайте письмо! Или я проткну вас, как губку! – Обнаженная сабля красноречиво уткнулась капитану бригаантины в живот.

– Осторожнее, малыш, – язвительно отозвался собеседник, парируя выпад тяжелой тростью. – Никто не смеет указывать Марко Полоскуну, что ему следует делать!

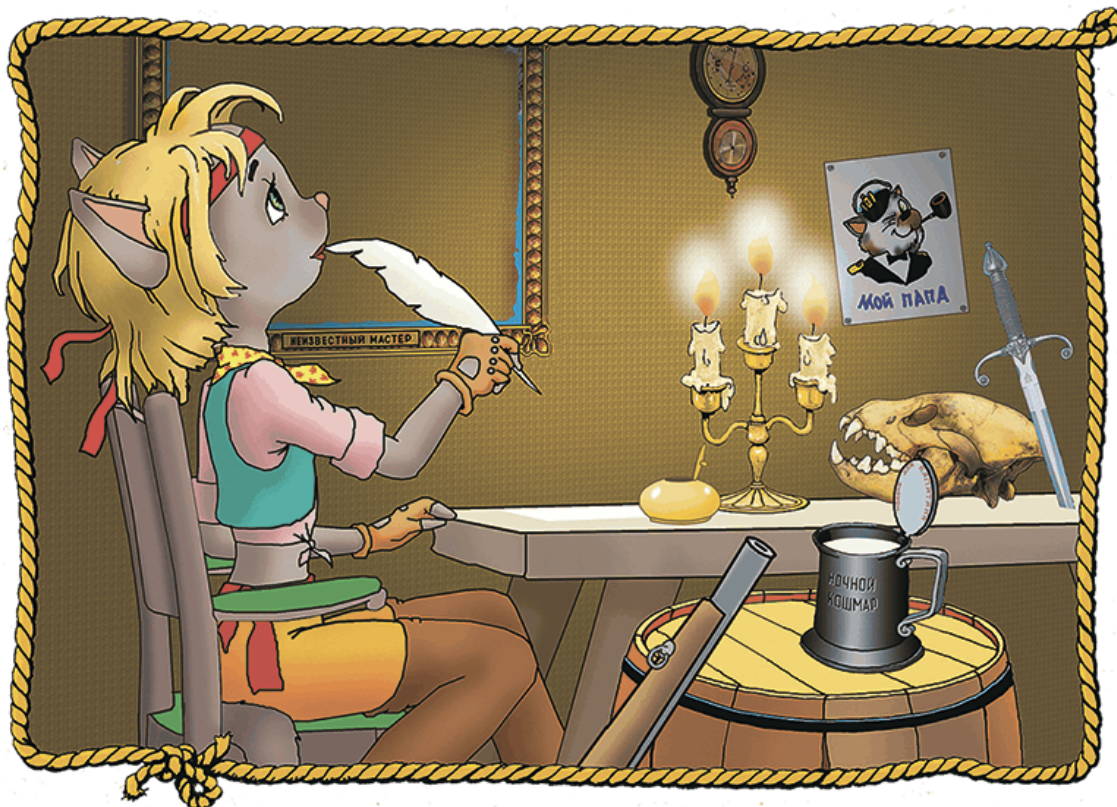

Джонни вцепился в длинный плащ капитана. Полоскун – в камзол Воробушка. Полетели в стороны шляпа, фуражка, пуговицы, карманы и шерсть. Острый конец трости угрожающе блеснул у правого уха Джонни. Счастливо увернувшись, Воробушек очутился позади противника и дал Полоскуну доброго пинка, отправив того в воду.

– Письмо! – вынырнув, закричал Полоскун, хватаясь за то, что осталось от кармана. – Негодяй, ты уничтожил письмо! Пять тысяч морских миль – и все насмарку!

Мокрый и опозоренный, не смея вернуться на берег, Марко размахивал тростью и сыпал проклятиями. От этих проклятий легендарному Крякену следовало немедленно проснуться, начать охоту за «наглым проходимцем», поймать и много лет переваривать в бездонном желудке.

Письмо Джен

– Интересно, – любопытствовал Джонни, – этот неудачник и правда думает, что Крякен станет за мной охотиться? По его личной просьбе...

– Может, они с осьминогом – друзья, – предположила птица.

– И что? Вот ты, мстя за меня, стал бы кого-нибудь есть?

– Давиться буду, три года грызть, но скую! – поклялся Кукабара.

– Правда?! – Джонни удивленно взглянул на друга. – А что это ты такой беспокойный? Случилось чего? Или ты так танцуешь?!

Кукабара заставил себя замереть и выпятил грудь. Подражая глашатаям, читающим на площадях грамоты, указы и приговоры, развернул какую-то бумагу.

– Вылетев на поле боя в разгар сражения, – торжественно зачитал он, – бесстрашный Кука-бара коршуном схватил добычу, выпавшую из оторванного кармана...

– Что это? – Джонни попытался схватить документ. – Ты же не умеешь читать! Не глупи, птица, это письмо, правда? То самое? Да хватит уже летать с ним туда-сюда. Отдай!

– Вот еще! Сначала ты должен представить меня к награде! Или нет – посвяти меня в рыцари!

Птица бухнулась на одно колено.

– Жаль огорчать, – ответил Воробушек, отбирая письмо, – но во мне ни капли королевской крови.

– Вот она – благодарность! Надеюсь, тебе хватит совести читать его вслух?.. Ты ведь прочитаешь Кукабарочке письмо?.. Да?!

Джонни молча вглядывался в текст. В торопливый почерк Джен и короткие фразы, пунктиром описывающие события.

– Не молчи! Я тоже хочу! – Кукабара то дергал капитана за штанину, то взлетал ему на плечо. – Да как ты вообще без меня?! Да где бы было это письмо, если б не я?! Да кто еще склюет всех твоих врагов? Ну что там написано-то?!

Нитнее Кошачье море, мэль Посиди-подумай!

А как ещё? Мэль Ну-кто-там-ещё-спросилось?
Или мэль О-как-же-я-хочу-выкинуть-за-борт-
того-кто-стал-на-вахте? Ну, можно было
и так. Но Посиди-подумай лучше. Именно
под этим девизом будут проходить долгие
дни капитанов застрявших тут кораблей.
И конечно, под этим названием досадная
возвышенность нанесена Архивариусом
на карту.

Весельчак просит добавить подробностей –
о географии и климате, Борюсь с меланхолией
в тоскливой раз спросить: «Ну как, КАК тот
мог сё не заметить?» Но так и быть,
исполнюю просьбу. Душно. Однообразно.

Всюду вода с песком.

Как вы догадались, первый капитан –
замотник тоскливой географии и
невыносимого климата – я. Денисфор Котес.
Пока команда потаённо сдвигает «Ночной
кошмар», заставший памятник первому
проходившему, пишу письмо.

– Все моря – один большой водоем, –
утверждает Архивариус. Иногда я задаю
себе вопрос: откуда он столько знает? –
Течения могут занести послание куда угодно!

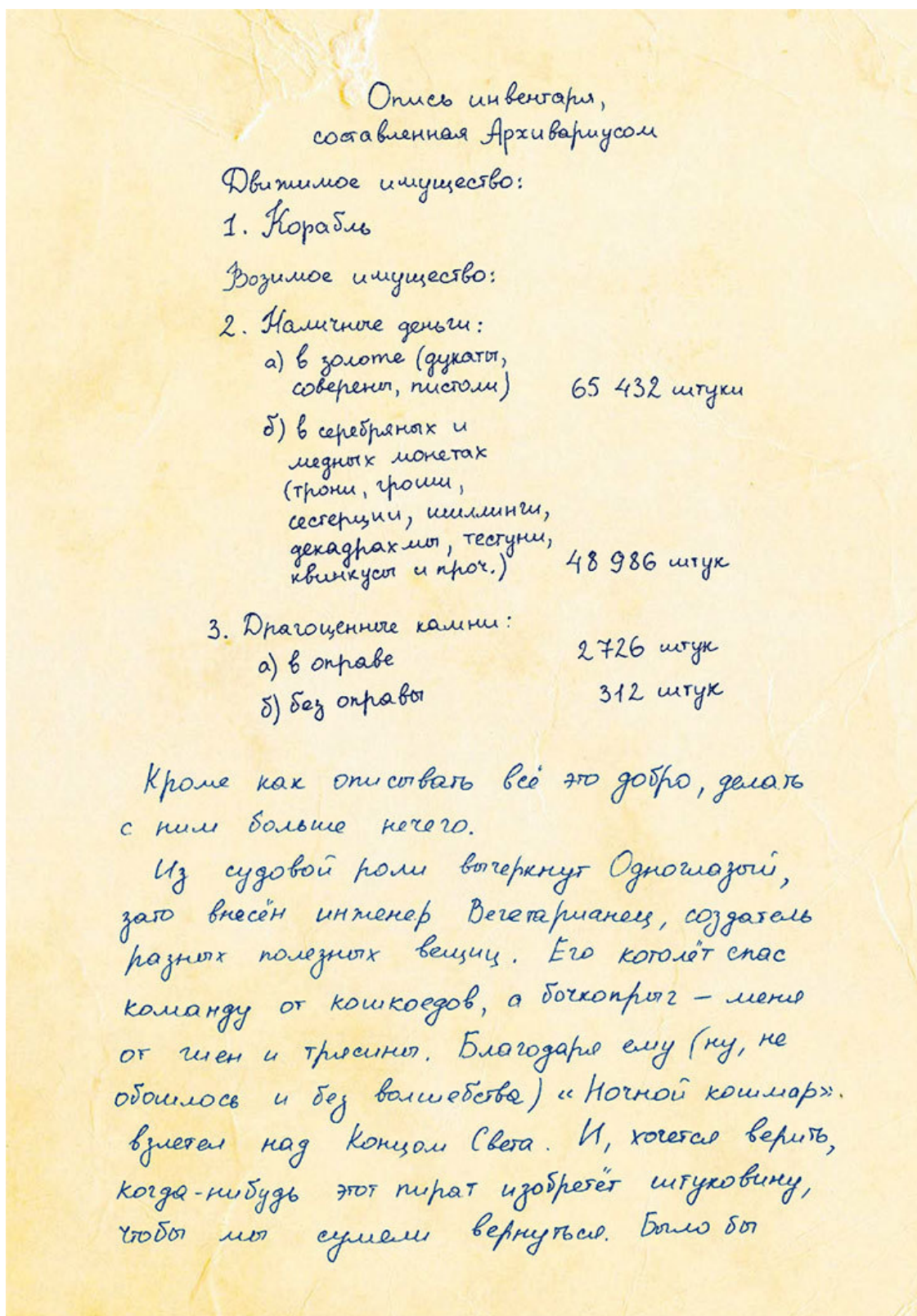
О, как же мне «угодно» отвести его в Тортугу!
 По адресу: Кошачий залив, Поместье за
 Холмам, для тётушки Катрин. Где бы только
 раздобыть такую большую марку, чтобы
 наклеить её на бутылку с письмом?...
 (Это клеюся — я не плачу!) —————→
 Глупо надеяться на благосклонность тётечки,
 но всё же: дорогая тётушка! Я жива,
 здорова, пишу зубом почти каждый день.
 Я определённо вытянула в высоту, местами —
 в ширину. Подозреваю, нос усюпан веснуш-
 ками (зеркала не вносят путешествий,
 потому не могу сказать наверняка).
 Из-за ванг у меня совсем не кожные
 лапки. Когти — сломаны. Так что Боломне
 совершенно права: кошки благородных
 кровей из меня не вошли. Доля какого-
 нибудь сапожника рядом со мной будет
 вопиюще напоминать ареста... ареста (раздери-
 менка-какая-то!) аристократикой! Но меня
 это больше не трогает. Вот только, дорогая
 тётушка, ведь мы во когда-то мечтали, что
 из меня вырастет капитан пиратов...
 Если подумать, в нынешнем моём положении
 можно найти и плюсы. Я веду здоровый образ
 жизни, дышу светлым воздухом. А ещё —
 мне довелось увидеть своего папу,
 капитана Корнухого...

Ещё больше мне «удно», чтоб письмо попало в его лапы. Адрес неизвестен: где-то в Кошачьем море, которое отныне и навсегда будет вешать Верхним. И если чудо случится, докладываю. Уважасной капитан Корноухий! «Ночной кошмар» на ходу. Имеет несколько заматанных пробочек, а у парусов ещё развешены куски без запяток. Если бы камзот удачной обрдаи мы отловили на борту цветком, то издалика нас принимали бы за клубы.

Содержимое трюмов подробно описано Архивариусом. Он раздобыл «Трактат о счетах», и теперь вдохновенно ведёт тетради, именующие Инвентарь, Журнал и Главная книга.

Правда, наш ухёный зануда так и не определился, по какой графе уштовать «Ночной кошмар». Автор трактата считает морские суда «недвижимыми имуществом».

— Какое же оно «недвижимое»?! — возмущается Архивариус, и книжная губа его начинает подрагивать. — Если в море — ходит, в гавань — заходит, из гавани — выходит, а иногда даже летает! Очень даже движимое!

Здесь письмо обрывалось.

– Рыцарь мой Кукабара, а где остальное? – изумленно спросил Воробушек. – Это не все письмо!

– Э-э-э... а надо было все листочки хватать?

– Нет, ты точно самая безмозглая птица на свете! Будь ты посвященным в рыцари, тебя бы следовало немедленно рассвятить!

- Что-что сделать?
- Отобрать меч, расколоть твой щит, сорвать доспехи и облить холодной водой...

Кукабара поежился:

– Хорошо, что я пока не рыцарь...

– Наверняка Джен описывает там свои открытия! – с досадой проговорил Воробушек, пряча бумаги за голенище. Но тут же досада уступила место восхищению: – Ты только подумай: за Концом Света – еще одно море! Никто не проходил Конец Света, а она это сделала! Представляешь?!

– Кхм, – смущенно кашлянул Кукабара. – Самое время спросить. Только не отбирай у меня меч и не рви с меня перья! Так что, наш корабль зовется «Дженифыр» не просто так? Тут и вправду замешана девчонка?

Что ж, теперь тайну Джонни знало не только море.

Таверна «Пагода у моря»

Сначала в таверну протиснулся саквояж. Тяжелый замок сразу же пробудил любопытство. Полдюжины полусонных матросов не сводили взглядов с этого предмета. Воображение рисовало им нутро саквояжа, полное драгоценностей и слитков.

Следом на пороге появилась энергичная дамочка. Легкость, с какой она подхватила багаж, разочаровала матросов. Любой изрядно бы попотел, будь внутри золотые слитки! Стоило вешать такой замок из-за носовых платков и пары платьев?

– Не знаете ли вы, любезный, где я могу нанять корабль? – обратилась владелица замка с саквояжем к хозяину таверны. – Мне надо попасть в Гавгадос.

– Ну, это вряд ли. – Тот улыбнулся отточенной за годы улыбкой, обнажающей полупустой безобразный рот. – Всякому ведь известно: женщина на корабле – к беде.

– Предрассудок, – возразила гостья. – Нет ровным счетом никакой статистики, доказывающей этот факт!

– Оно вам, конечно, виднее, – как можно любезней отозвался котяра. – Как вы говорите, никакой «истистики» нет. Да только вздумалось одному капитану бороздить моря со своею женушкой. И чем все кончилось? А вот чем: корабль сожрал огонь!

– И вовсе не из-за этого! – воскликнула дама, но тут же прикусила язык. Просительно пробормотала: – Бывают же те, кто не верит в приметы...

– Чегой? – Котьяра поднял недоуменный взгляд.
– Несколько лет назад кто-то взял на корабль маленькую девочку...
– Сбежала из дома? – уверенно спросил трактирщик.
– Вы помните ее?!
– Догадался, – солгал тот. – Много их тут таких – сбежавших из дома. Не хотел бы я огорчить вас, э-э-э... как вас звать-то?

– Кэтрин, – ответила дама. – Разумеется, «мисс».

И тут же пожалела о своей болтливости: ну почему, почему она не выдумала себе какого-нибудь имени? Кто знает, может, этот потрепанный кот уже разыскивает ее дорогую Дженифыр? А может, в маленькой кухне за его спиной притаились гиены? Надо быть осторожной в таком путешествии!

– Так вот, – хозяин таверны принялся тереть посуду подолом рваного передника: стаканы скулили и ныли под этой пыткой, – не хотел бы я огорчить вас, дорогая мисс Кэтрин, но ни один ребенок не возвращался обратно. Не думаю, что девочка жива.

«Жива! У меня есть доказательство!» – едва не выпалила тетушка Кэтрин. Спohватившись, прищурилась:

– Вы не выписываете газет?

– Газет? – рассмеялся котьяра, будто лучшей шутки в жизни не слышал. – Да кому здесь нужны газеты? Половина матросов и букв не знает. А уж врет почище всяких писак!

– Полагаете, газеты лгут?

Отпустив на волю последний стакан, хозяин доверительно перегнулся через стойку:

– Газетчики любят приврать – таково мое рассуждение. Случись в Кошачьем море какое крошечное событие, они уж его раздуют, будто жди сиди конца света. Подлеца назовут отваж-

ным, порядочного выдадут за разбойника... Лгут или нет – это вы сами решайте. А я за кусок бумаги, испачканный краской, и фальшивой монеты не дам...

Дверь снова распахнулась, впуская немного воздуха и двоих посетителей – юного капитана и птицу. Оба замерли в дверях. Птица таращилась на блестящий замок саквояжа, капитан – на обескураженную дамочку.

– Ты это видишь? – Кукабара клюнул друга в плечо. – Ты тоже видишь этот замок?

– Какой замок? Саквояж?!

– Да-да, саквояж, – подтвердила птица. – Во-о-от с таким замком!.. Зачем? Что у нее там? Семейные драгоценности? Дамочка-то из благородных...

– Это хозяйка Поместья за Холмом, – прошептал Воробушек, занимая удобный для обзора стол.

– Откуда ты знаешь?! Открылся третий глаз? А ну, покажи!

– Интуиция, – отрезал Воробушек. – Не смотри на меня так: я же говорю, у меня сегодня странное предчувствие. Не могу объяснить, но как будто судьба задумала свести меня с... сам понимаешь с кем. Сначала эти волны, потом Полоскун и письмо, а теперь...

– Та самая тетушка Кэ...? – догадался Кукабара, но Воробушек крепко сжал его болтливый клюв.

– Тише! Конечно та самая. Полоскун не отдал письмо, потому что тетушка Кэтрин пропала, так? А куда можно было пропасть в таком тихом городе, как Тортага? А главное – зачем надо было пропадать?

Капитан Джонни-Воробушек вопросительно смотрел на Кукабару. Тот только дико вращал глазами и размахивал крыльями. Не получив ответа, Джонни сам и продолжил:

– И вот что я думаю: порт – последнее место, где разыскивают хозяек поместий. Не сойти мне с этого места, если она отправилась не на поиски Джен!

Капитан наконец разжал лапу.

– Ты чуть не оторвал мне клюв! – возмутилась птица. – Кто я без клюва? Археоптерикс! Ты вообще головой думаешь? Как я буду есть твоих врагов?

– А ты им ешь? – с невинным видом удивился Воробушек. – Когда, если ты им все время разговариваешь?!

– Вот сейчас ты закажешь завтрак, и я покажу, как здорово мой клюв управляется с едой...

– Извини, друг, демонстрацию придется отложить: наша тетушка собирается уйти, а у меня к ней пара вопросов...

Едва подозрительная мисс оказалась за дверью «Пагоды у моря», хозяин таверны вынул из-под чистых стаканов свежий выпуск «Вестей за одну монету» и бросил в огонь жаровни. Жаль, что почтовое судно не потопило в пути!

«С другой стороны, – размышлял котяра, – потопни это корыто, я бы тоже не знал, что с ней случилось!» А как приятно ему знать! Джен жива и – судя по награде за ее хорошенькую головку – все такая же отважная девчонка!

Курс на Гавгадос!

– Э-э-э, мисс... миссис... как вас, послушайте! – окликнул тетушку Кэтрин звонкий голос.

Дама окинула быстрым взглядом догнавшего ее юнца. Его камзолу не хватало пуговиц, рукавов и карманов. Ботфорты, вполне вероятно, сменили не одного хозяина. Однако мореплаватель так ослепительно улыбался и с таким залихватским видом поправил свою фуражку, что его костюм казался стильной находкой портного.

– Уф. Я кое-что слышал, краем вот этого уха, – немного смущенно начал он. – Вы ищете капитана с кораблем? Думаю, я мог бы оказать вам услугу.

– Вероятно, я разговариваю с владельцем судна?

– Капитан Джонни-Воробушек к вашим услугам, – подтвердил собеседник. – Я как раз подумывал, не пополнить ли мне команду.

– Команду? – удивилась дама. – И что, по-вашему, я могла бы делать?

– Ну, многое может пригодиться... На корабле только я и птица. – Джонни кивнул в сторону Кукабары, расхаживающего вокруг саквояжа. – Вы умеете готовить? Шить? Или драить палубы?

– Разумеется, нет, – отрезала дама. – Однако я знаю толк в поварах. В любом порту я смогу нанять нам лучшего кока. Я умею торговаться, выставять счета, договариваться с таможеней...

– А если, – Воробушек на мгновение задумался, – а если в трюмах окажется сомнительный груз?

– Вы – пираты? – В ее голосе не сквозило ни ужаса, ни удивления.

– Скажем так: у того, что я везу, отправители и адресаты предпочли бы остаться неизвестными.

– Что ж, я знаю родословные всех влиятельных особ, неплохо справляюсь с ролью богатой наследницы и сестры дипломата. Любой груз можно провезти, если примешать интересы нужной семьи.

Сомнений не было: перед ними исчезнувшая хозяйка Поместья за Холмом. Сестра капитана Флинта Котеса по прозвищу Корноухий. И тетушка Джен.

– Думаю, чистые палубы мы обеспечим сами. Да, Кукабара?

– Мисс Кэтрин. – Энергичная дама протянула юному капитану лапу. – Мне надо попасть в Гавгадос.

– А что у вас в сун... – пытался спросить Кукабара, но Джонни снова заткнул ему клюв.

– Гавгадос так Гавгадос. Но, знаете, это немного странно: когда такая... ммм... благородная мисс решается отправиться в путь, не брезгуя подозрительным кораблем.

– У каждого есть секреты...

– У меня от вас – никаких! – рассмеялся Воробушек. – Позвольте представить: мой корабль!

Он придвинул саквояж для потрясенной мисс, покачнувшейся, едва она взглянула на борт корабля. И хоть краска уже кое-где облупилась, название читалось и действительно сбивало с ног. «Дженифыр».

Не зря о тетушке Кэтрин ходила слава самой разумной дамы на побережье: она устояла и ни на миг не поверила в случайность.

– Надеюсь, у вас найдется объяснение.

– Само собой. – Воробушек вытащил из голенища старого ботфорта отвоеванную часть письма. – Похоже, на этом свете есть некто, кто дорог нам обоим.

Письмо Дженифыр оказалось в лапах тетушки Кэтрин.
– Я жду вас на борту, – сказал капитан.
– И не беспокойтесь за багаж, – добавил Кукабара, изо всех сил толкая соблазнительный саквояж в сторону трапа.

* * *

– Вы разрешите называть вас тетушкой? – поинтересовался Джонни, едва мисс Кэтрин ступила на борт. – Это будет так по-семейному... Капитан корабля дарит увеселительную прогулку обожаемой родственнице...

– Вы очень одиноки, молодой человек, – заметила мисс Кэтрин.

– Ничуть! – возразил Воробушек. – А впрочем, если и так – вы никому об этом не скажете. Не правда ли, дорогая тетушка?

– Кому? – удивилась та. – Мое одиночество не меньше вашего. Все, что у меня было, – Дженифыр, и я давно ее потеряла.

– Зато вы знаете, как ее найти! Она в Гавгадосе?

– Я могу только молиться, что Джен там нет и никогда не будет!

– Так зачем же вам этот всеми забытый остров?! – воскликнул удивленный Джонни, едва скрывая разочарование.

– Чем старше я становлюсь, тем меньше верю в эффективность молитв, – призналась тетушка. – Рано или поздно какой-нибудь охотник за богатством привезет ее в Гавгадос. Ведь император Диего объявил за Джен такую награду! Хотя мне странно представить племянницу в окружении тысяч разбойников, которые захватывают остров и грабят банк.

– Какая ложь! – возмутился Джонни. – На «Ночном кошмаре» всего-то дюжина пиратов. И видели бы вы их! Не скажу, что мухи не обидят, но это благородные ребята!

– Так я и знала. Поверьте, Диего разыскивает малышку вовсе не из-за пиратства. Ей грозит страшная опасность!

– Но почему?

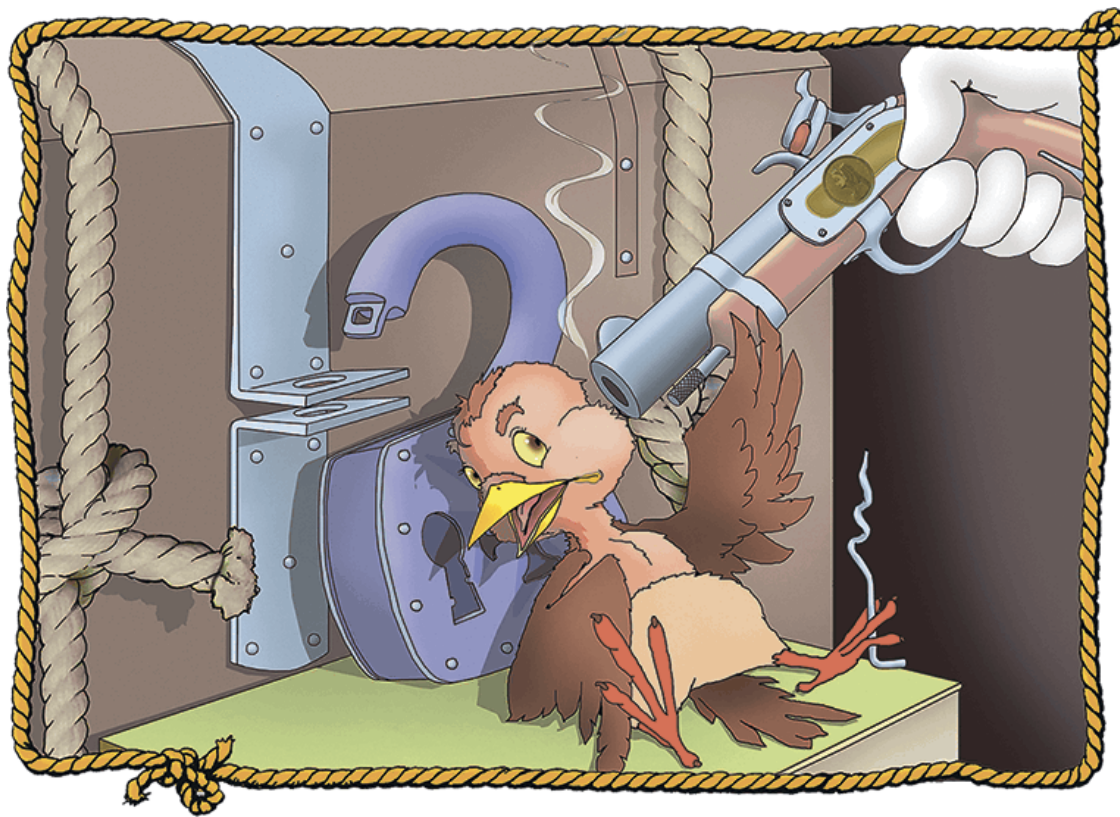
– Я все расскажу по дороге! Умоляю, скорее в путь! – Тетушка Кэтрин схватилась за ближайший трос. – Как тут у вас все работает? Что сначала? Травить гитовы? Выбрать подветренный шкот?

– Стойте! – закричал Воробушек, выхватывая из ее лап шкентель. – Для женщины вы неплохо осведомлены, но, уж простите, не отличите марсель от брамсея... С парусами я как-нибудь сам разберусь.

Воробушек прыгал вокруг мачт и лихо взлетал на реи. Выше брамсея, расправляясь со шкотами, летал Кукабара. Когда над «Дженифыр» распахнулись паруса, золотыми водопадами сбегая от флаштоков до палубы, сердце тетушки Кэтрин замерло. Всего на мгновение. В песочных часах упало тридцать восемь песчинок. Но именно за такое время горячие сердца влюбляются навсегда.

Архив тетушки Кэтрин

По ночам кубрик «Дженифыр» освещает полоска света, льющегося из-под двери. (Надо полагать, с другой стороны висит оставленный на ночь фонарь.) В полутьме вы сможете разглядеть, как ворочается во сне тетушка Кэтрин. Услышать, как скрипит под ней старый гамак. Но едва ли вы различите звук скребущей в замке отмычки или очертания фигуры, замирающей каждый раз, стоит тетушке Кэтрин шумно вздохнуть.

Замок саквояжа поддался. В результате тряски произошел тектонический разлом, части саквояжа разъехались, и Кукабара сунул любопытный клюв в его таинственные недра.

– О, выдерните мои печальные перья! – воскликнула птица, роняя отмычку.

Там, откуда секунду назад раздавалось сопение тетушки Кэтрин, мелькнула красноватая вспышка. Оглушенный выстрелом Кукабара пошатнулся, запахло порохом и палеными перьями.

– Ой-ой-ой, – заверещала птица. – Я сказал «выдерните», а не «сожгите»! И зачем понимать все буквально?!

Дверь распахнулась, на пороге стоял Воробушек. В одной лапе он сжимал сорванный с петли фонарь, в другой – револьвер. Но в кубрике не было ни гиен, ни бандитов. Лишь обиженный Кукабара и тетушка Кэтрин, разгоняющая у носа пороховой дым. Распахнутый саквояж и лежащая на полу отмычка дорисовали картину. Воробушек разразился хохотом:

– Неплохо вы развлекаетесь!.. Тетушка Кэт! Вот уж не ожидал! Вы прихватили с собой пистолет? Мое восхищение, мисс!

– Она подпалила мне перья! – напомнил Кукабара.

– А я бы еще и шею свернул, – пригрозил Джонни. – Зачем ты полез в чужой саквояж?!

– Я протестую! – завопила птица. – Это провокация! Чего можно ждать, повесив такой замок? Ей просто хотелось кого-нибудь пристрелить. Скажи, ведь это логично: замок – читай: «драгоценности»? А знаешь, что там внутри? Всего лишь ворох бумаг!

Кукабара презрительно разглядывал содержимое саквояжа.

– Газеты... Зачем ей столько газет?.. Утеплять гнездо?!

Если до этого мгновения все происходящее – взломщика саквояжей, сделанный ею выстрел, растрепанного капитана Джонни в ее каюте – тетушка Кэтрин могла принять за обрывок кошмарного сна, то, услышав слово «газеты», она окончательно проснулась.

– Это не просто газеты! – взбунтовалась тетушка. – Это оружие. Если Джен попадет в опасность, с помощью этих бумаг я разделаюсь с императором Диего!

Воробушек задумчиво разглядывал пожелтевшие от старости листки.

– Кто он вообще такой, этот Диего? – наконец спросил капитан.

– В этом-то все и дело! – воскликнула мисс Кэтрин, уподобляясь профессору, которому лучший студент вдруг задал умный и важный вопрос. – Этого никто не знает. Просто в один из дней правитель королевства Кота, король Эстебан, отрекся от престола в пользу никому не известного генерала. В ваших лапах – первая газета той недели. С этого все и началось.

То, что газета старинная, можно было понять по монете, которую всегда печатали на первой полосе. В обычных «Вестях за одну монету» на аверсе скалилась гиена. Здесь же красовался профиль юной девушки.

Кукабара изобразил пантомиму, из которой следовало, что стрела любви пронзила его сердце.

– Да уж, действительно красотка, – согласился Джонни. – Кто она?

– Дочь короля Эстебана, принцесса Дами Эчевария. Тогда еще не сменили ни монеты, ни оттиски. Так выглядела принцесса много лет назад. Не отвлекайся. Читай вот здесь.

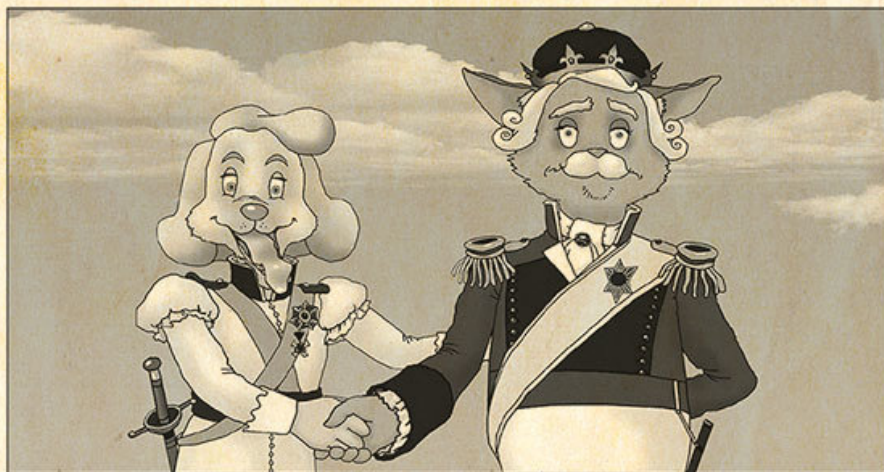
Избавившись от воображаемой стрелы и напоследок сломав ее пополам, – кто знает, как изменилась принцесса за «много лет»! – Кукабара потребовал:

– Читай вслух!

ВЕСТИ за одну монету

Официальный
печатный
орган
архипелага
Морских
Котиков

ОТРЕЧЕНИЕ КОРОЛЯ!

Правитель островного королевства Кота (девять островов архипелага Морских Котиков) добровольно и всенародно передал власть генералу Диего, прибывшему сегодня в Пуэрто-Мяу.

МАНИФЕСТ

Я, король Эстебан, правитель государства Кота, что охватывает и большие, и малые острова архипелага Морских Котиков, объявляю всем нашим подданным:

Дорогие подданные! Вас ждут годы тяжелой борьбы. Годы великой борьбы с врагом. В эти решительные дни я вынужден отречься от престола, сложив с себя верховную власть.

Передаю наследие мое блестящему полководцу генералу Диего,

который приведет острова Морских Котиков к неминуемой победе.

Испытывая необычайную радость, призываю всех к повиновению новому правителю, исполнению своего долга перед ним и оказанию помощи.

На подлинном листе собственной лапой короля написано

Эстебан

*Королевский дворец, Пуэрто-Мяу,
столица королевства Кота*

ГЛАВНОЕ

ВЕСТИ
за одну монету

КОРОТКОЙ СТРОКОЙ

Морской флот гиен, подчиняющийся Диего, высадил войска на острова архипелага Морских Котиков от Сан-Пёсе до Блошиного острова.

МАРШАЛ ДИЕГО
НАМЕРЕН РАСПУСТИТЬ
ПАРЛАМЕНТ

ГАВГАДОС ЛИКУЕТ

Морской флот гиен в полном составе прибыл в Гавгадос. Набережные были заполнены народом. Сотни жителей с цветами и флагами приветствовали своих героев-гиен. В полдень на главной площади состоялся парад войск. Под бурные овации отряды гиен

прошли по улицам города. Этот день запомнится жителям Гавгадоса как большой праздник, символ того, что наши территории отныне будут едины и неделимы под властью Султаната Гиен.

*Восторженные жители
радостно встречают
героев-гиен*

– Да уж, любопытная история...

– Одна ее половина, – уточнила тетушка Кэтрин. – Дело в том... да... тебе я могу рассказать... Дело в том, что есть и другой документ.

Она аккуратно вынула из сундука свернутый листок бумаги, как будто тот в любое мгновение мог рассыпаться.

– Что это?

Помедлив, Кэтрин отдала листок капитану. Торжественно произнесла:

– Подлинное отречение короля Эстебана!

– Вот так отречение! – Джонни-Воробушек читал, и мордочка его вытягивалась от изумления. – Это же обвинение в захвате власти!

– Да, думаю, так и есть, – согласилась мисс Кэтрин. – Рада, что ты понимаешь по-старо-кошачьи.

– Когда-то изучал. Да тут не сложно совсем. Всего несколько слов, их каждый ребенок знает...

– Видимо, ни генерал Диего, ни его приближенные все-таки не знали. Король Эстебан зачитал свое отречение, Диего стал новым правителем, документ отдали в газету, чтобы донести весть до мира. Но вот владелец газеты разобрался, что к чему. А теперь представь новоиспеченного властителя Диего, читающего в утренних новостях «отречение с сокращениями»!

– Он сразу все понял, да?

– По крайней мере, догадался: подлинный документ для него опасен. Отправил гиен на поиски. И объявил войну Мяу-Гуане...

Воробушек поднял на Кэтрин недоуменный взгляд.

– Не может быть! Война между Котой и Мяу-Гуаной? Ни разу о ней не слышал!

– Неудивительно. Ее мало кто помнит, если вообще заметил. Историки называют ее Однодневной.

– Это как? – удивился Кукабара. – Война в один день? Утром началась и к ночи закончилась? И кто победил? А главное – как победил? Шандарахнул чем-то большим, разгромив противника в клочки?

Пассажирка «Дженифыр» усмехнулась:

– Утром диктатор Диего потребовал от мяугуанцев выдать похитившего документы преступника. В порту залива появились гиены: ждали корабль, идущий из столицы Коты в Тор-тагу. Когда он причалил, гиены обыскали каждый трюм и каждую бочку. К ночи признали, что на борту преступника нет. Война закончилась.

– Но Диего не мог оставить поиски! – воскликнул Джонни.

– И не оставил. Прошло несколько лет, и гиены все-таки добрались до Поместья за Холмом...

Тетушка Кэтрин отвернулась. Такие ночи не забываются никогда. Стук сапог. Выбитые двери. Звон стекла. Вывернутые ящики комодов. Выпотрошенные шкафы. Мятые, затоптанные платья. Еще – бегущая прислуга, осколки посуды, отчаянный крик прекрасной гостьи. И клок зажатой в кулаке вонючей шерсти капрала...

– Кукабара! Воздух! Ей нужен воздух! – закричал Джонни, подхватывая побледневшую и обмякшую тетушку.

– Ты не можешь остановиться сейчас! – ныл Кукаба-ра, изо всех сил размахивая крыльями на уровне тетушкиного носа. – На самом интересном месте!

Глубокий вздох известил капитана и птицу, что их старания пошли пассажирке на пользу. Измотанный Кукабара прекратил махать и тут же шлепнулся на палубу.

– И что? – Нетерпеливо теребя клювом подол дорожного платья рассказчицы, Кукабара требовал продолжения. – Гиены ведь не нашли Отречение? Бумага-то – вот она!

Страхнув наваждения той страшной ночи, тетушка Кэтрин закончила рассказ:

– Нет, дорогая моя птица. Гиены не нашли свитка с отречением короля Эстебана. Но они спалили дотла мое поместье.

Часть вторая
«Летучий голландец»

Корабль печали

Дубовый клавесин наконец-то был водружен на палубу «Летучего голландца».

Странное это было зрелище: под черными парусами, под прицелами взглядов скелетов – славной молчаливой команды, под ухмылкой луны стоял музыкальный инструмент, привыкший к паркету дворца и изысканной публике.

Капитан Корноухий отчаянно жал на скрипучую педаль и, ударяя по клавишам, заставлял инструмент жалобно дребезжать.

Сам клавесин вызывал в уставшем Громиле уважение. Огромный, с резными кривыми ножками, двумя рядами клавиш и откинутой крышкой, инструмент походил на морское чудище. Но звуки...

– Влоде как коты воют, – заметил он.

– Да-да, очень печально. – Самому капитану, похоже, дребезжание не казалось странным.

– Лазве музыка не должна быть сладкой, как сметана? – не выдержал Громила. – И класивой, как девушка?

Корноухий от удивления перестал терзать клавесин.

– Видишь ли, друг мой, – задумчиво ответил он, возвращаясь к секундам и терциям, – музыку нельзя сравнить ни со сметаной, ни с девушкой. Она... как бы тебе объяснить... она, скорее, воспоминание о сметане. Может быть, горькое. Она не сама девушка, а твои чувства к ней. Трепет встречи, печаль разлуки. Понимаешь?

– Нет, – признался пират. – Зачем вспоминать голькую сметану? Зачем слушать печаль?

Ох, Громила! Если бы где-то в таверне твоему капитану внезапно вцепилась зубами в горло гиена, ему бы не было и вполовину так больно. «Зачем слушать печаль?» – и дыхание Флинта Котеса перехватило. Действительно, зачем ее слушать? Зачем беречь, как темное и страшное сокровище? Зачем вновь и вновь открывать сундук своего сердца, перебирая воспоминания?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.